

От автора

Дорогие читатели! Прежде чем вы познакомитесь с этой книгой, я бы хотел сказать о ней несколько слов. Первая ее часть может показаться перегруженной сложными научными данными. Однако я все же рекомендую отнестись к этим сведениям со всей серьезностью. Они достоверны и основываются на работах многих современных ученых — генетиков, биологов, вирусологов. Таково действительное положение дел в мире, и если мы не предпримем ничего, чтобы его изменить, фантастическая история второй и третьей частей может стать для наших потомков черной реальностью. Я считаю свой труд и труд всех тех, кто помогал мне в сборе материалов для этой книги, не напрасным, если вы наберетесь терпения «пробиться» через научную аргументацию, не раздраженно ожидая ее завершения, но вдумчиво разобравшись в изложенных фактах.

Для удобства восприятия все величины в этой книге приведены в единой метрической системе, в том числе и в тех землях, где она традиционно не используется. Не стоит считать это ошибкой.

Автор благодарит за экспертные консультации и предоставленные материалы следующих научных специалистов:

президента Общенациональной Ассоциации генетической безопасности (ОАГБ), кандидата биологических наук Баранова Александра Сергеевича;

заслуженного работника культуры Российской Федерации, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора географических наук Горкина Александра Павловича;

председателя совета директоров ЗАО «ОКЕАН-БАНК», кандидата экономических наук Гранкина Владимира Владимировича;

директора московского представительства компании NAS INTERNATIONAL Синева Андрея Николаевича;

доцента кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидата филологических наук Зеленину Елену Васильевну.

Автор выражает глубокое уважение всем российским ученым, самоотверженно продвигающим отечественную науку в условиях жалкого финансирования, не поддающимся соблазну обменять свою честь и безопасность страны на щедрый ливень зарубежных грантов и премий.

НАСЛЕДИЕ

Просто иметь огромные деньги слишком банально. Миллионы миллионов, лежащие мертвым грузом в очередных сугубо коммерческих инвестициях, всегда навевали на меня тоску. Огромные деньги нужны для достижения власти, безграничной власти. Только безграничная власть делает твои возможности столь же безграничными. Это главное. Это та цель, что оправдывает любые средства, это — то, ради чего стоит жить. А деньги и люди — это всего лишь инструменты.

Эдуард Шрецкий

Пролог

*Угличский Центр Сохранения Генетических Ресурсов,
200 км от Москвы, 23 ноября 2267 года, 11 часов 25 минут
по времени Волжского Каскада*

Седой человек в застиранном белом халате вздрогнул, словно пораженный электрическим разрядом, и замер, глядя на исцарапанный экран ноутбука. Электронная машина явно была долгожителем, ее внешняя крышка уже давно потеряла остатки краски, обнажив пластиковую поверхность, надколотую в нескольких местах. Для надежности на повреждения когда-то наклеили полоски широкого скотча, но под действием времени его края ссохлись, отлепились и закрутились в тоненькие трубочки, создавая сходство с берестой. При этом сей «берестяной» девайс ничем не выделялся на фоне интерьера знававшего лучшие времена тесного кабинета.

Грубые, наскоро выкрашенные серой краской стены, заставленные стеллажами с ворохом изрядно потрепанных книг, всевозможных бумаг и рваных картонных коробок, были практически не видны в тусклом освещении. Посреди грязного потолка, небрежно побеленного когда-то очень давно, а сейчас густо покрытого трещинами, одиноко торчал железный крюк, некогда предназначавшийся для крепления потолочной люстры. Скорее всего, таковая имелась в этом кабинете много лет назад, сейчас же ее место занимал кое-как привязанный к крюку прямо за электропровода обычный электрический патрон, в который был вкручен скудный источник света — мутная лампочка сорока ватт. В борьбе с мраком за господство над пространством кабинета сие потолочное светило безнадежно проигрывало. Тусклый свет почти не достигал обшарпанного пола, покрытого ныне затертым донельзя, но когда-то роскошным дубо-

вым паркетом. Пара заваленных различным хламом видавших виды столов, ютившихся в разрывах облепивших стены стеллажей, вкупе со сломанным креслом завершали общую картину убогого внутреннего убранства.

Хозяин кабинета еще несколько секунд не отрывал взгляда от монитора, усыпанного открытыми окнами файлов, затем поднял очки на лоб и машинально потер переносицу пальцем.

— Я нашел ее! — самодовольно заявил он самому себе. — Никто не верил, никто! — Он победно усмехнулся. — А я нашел. Профаны! Ха!

Он вскочил со старенького стула, от чего тот жалобно закрипел, и решительно направился к двери. Рядом с ней в темном углу обнаружился одежный шкаф, дверцы которого, судя по всему, давным-давно канули в Лету. Старик бережно снял истертый от времени белый халат и аккуратно повесил его на отдельную вешалку, особняком висящую в дальнем углу шкафа. После чего извлек из его темных дебрей огромных размеров бараний тулуп и принялся с кряхтением натягивать его, непрерывно бубня что-то себе под нос. Судя по вырывающимся из общего потока фраз возгласам: «Невежды!», «Профаны!» и «Они не верили мне! Как это типично!», старик адресовал свою обличительную речь неким давним оппонентам. Наконец, когда тулуп был побежден, к нему добавился такой же огромный толстый шарф и не менее огромная ушанка. Маленькая тщедушная фигурка, закутанная в тулуп, обмотанная шарфом в несколько витков и увенчанная шапкой с нелепо торчащими в разные стороны ушами, представляла собой крайне комичное зрелище.

Человек неуклюже подошел к столу и выдернул шнур питания из гнезда ноутбука. Тот жалобно пискнул предупреждающим сигналом, и на панели тотчас мигнул индикатор разряженной батареи. Старик сокрушенно покачал головой, аккумулятор давно уже не держал заряд, но заменить его возможности не было, а отдать в починку означало остаться без ноутбука, что было для старого ученого смерти подобно. Он осторожно закрыл ноутбук и засунул его за пазуху. Затем, окинув утопающий в сумраке кабинет победным взглядом, выдвинулся в коридор.

Узкий коридор был прямым и поистине бесконечным. Стены его через каждые несколько метров перемежались стандартными дверьми, а потолок — тусклыми осветительными плафонами. Откуда-то из-под потолка доносился монотонный гул насосов, закачивающих воздух из фильтровальных установок в вентиляционную систему. Каждые двадцать пять метров коридор разделяли вертикальные шлюзовые затворы, в отсутствие тревожного положения

всегда открытые. Все это в совокупности, по мнению ученого, напоминало электричку времен XX века, только без пассажирских сидений. По крайней мере, именно так он себе ее представлял.

Коридор был практически безлюден, лишь один раз ему навстречу попался человек, закутанный в точно такие же необъятные зимние одежды. Оба, не сбавляя шага, кивнули друг другу, даже не попытавшись встретиться взглядами. Преодолев метров сто коридора, старый ученый, тяжело дыша, уперся в бронеплиту выходного шлюза. Сидящий за толстым бронестеклом наблюдательного окна охранник лениво потянулся к пульту управления и ткнул пальцем в кнопку. Зажужжали сервоприводы, и дверной створ неторопливо полез вверх.

— Мне нужно срочно увидеть Президента! — старик, не дожидаясь полного открытия двери, неуклюже скрючился и прошмыгнул в открывшийся проход.

— Добрый день, господин профессор! — шепеляво захрипели изношенные динамики, укрепленные под потолком. — Я не могу выпустить вас наружу.

Профессор ошеломленно воззрился на дородного мужчину в униформе. Тот весело улыбался ученому через окно, выполненное в боковой стене шлюза, за которой располагалось помещение охраны.

— Что вы этим хотите сказать, милостивый государь?! — негодуя воскликнул профессор. — Это дело государственной важности! Немедленно отворяйте!

— Не имею права! — все так же весело улыбался охранник.

— Да как вы смеете! — возмутился старик. — Я сделал столь важное открытие, что я не имею права вести его обсуждение никоим образом, кроме личного доклада! Сию же секунду отворяйте дверь! Мое открытие не просто важно, оно сверхважно!

— Бронежилет для почтовых голубей? — Охранник сделал круглые глаза.

— Что?! — Профессор задохнулся от возмущения. — Молодой человек! Вы так же далеки от науки, как наука от вас! Между прочим, тот проект имел глубокий смысл, но я не собираюсь вступать с вами в дискуссию! Немедленно отворяйте, либо я напишу на вас жалобу вышестоящему начальству, нет, лично Президенту! — грозно сверкнул глазами старик.

— Не имею права, — обреченно вздохнул охранник. — Не имею права выпустить вас наружу, дорогой профессор, в лабораторных тапочках. Такова инструкция. Там, кстати, минус тридцать семь. За Периметром пурга метет третьи сутки.

Ученый приподнял полы тулупа и обреченно уставился на свои ноги, обутые в разношенные матерчатые туфли.

— Вот незадача... — поник старик, представив путь до своего кабинета и обратно. Добравшись до шлюза, он изрядно взмок и порядком обессилел, и поэтому перспектива преодоления этой дистанции еще дважды полностью выбила его из колеи.

Штурвал кремальерного затвора провернулся, открывая вход в помещение охраны, и на пороге появился охранник с парой огромных валенок в руке.

— Вот, наденьте мои, профессор! — сжалился над стариком человек в униформе. — Только при одном условии. — Он вновь весело улыбнулся, глядя на нелепую фигурку, утопающую в тулупе. — Пообещайте обязательно вернуть до конца смены!

— Что вы! — воскликнул профессор, обретая второе дыхание. — Разумеется! Верну в целости и сохранности! Премного вам благодарен! Вы прямо-таки мой спаситель!

Старик засуетился, пытаясь влезть в безразмерные валенки, что в его наряде сделать было не так-то просто. В конце концов, охранник, покачав головой, подошел к ученому и, присев на одно колено, обул его, словно ребенка.

— Вот так-то лучше! — одобрительно пробурчал здоровяк, окидывая отеческим взглядом ученого. — Теперь я могу выпустить вас со спокойной совестью.

Профессор забормотал слова благодарности, но охранник уже скрылся за мощной дверью и спустя пару секунд появился в окне за пультовым столом. Он коротко махнул старику рукой, давая понять, что процесс шлюзования начался.

На улице действительно было очень холодно. Едва профессор ступил наружу, как открытые нос и щеки доложили ему, что охранник не преувеличивал. Ледяной воздух защищал слизистые оболочки носовых пазух, и профессор привычно перешел на неглубокое дыхание. Он остановился, задрал голову, разглядывая поверхность Периметра, видневшуюся над верхними этажами гермокорпусов, и прислушался. Периметр неровно гудел под порывами бьющего в него снаружи ветра. Масштабная пирамидальная конструкция из стального каркаса и полупрозрачного полимера, подобно крыше деревенской избы из давно ушедших в небытие веков, накрывала собой площадь в двадцать пять квадратных километров. Она опиралась на мощные железобетонные стены и подпиралась в свою очередь настоящим лесом высотных корпусов, верхние плоскости которых служили основанием для крепления могучих подпорок. Спасение

людей от смертельно опасной внешней среды и одновременно предмет их неустанных забот. Тридцать тысяч человек, штат ОКЦП, отдела контроля за целостностью Периметра, днём и ночью следили за его состоянием вот уже двести лет. Кстати, а ведь согласно архивам, сто пятьдесят лет назад полимерные пластины внешнего слоя Периметра еще были совершенно прозрачными и даже не преломляли солнечных лучей, вспомнил старик. Но теперь изодранная многими десятилетиями ветров, словно наждаком, некогда идеально гладкая поверхность исцарапалась, полностью потеряла былую шлифовку и приобрела грязно-желтый оттенок.

Из-за сильной пурги солнечного пятна видно не было, и поэтому казалось, что мутная поверхность Периметра сама излучает свет. Старик попытался разглядеть, как на двадцатиметровой высоте ветер играет снежинками, гоня их по наклонным поверхностям Периметра, но не смог и с грустью вспомнил, как в детстве в солнечные дни ему это удавалось. Он вздохнул, и холодный воздух, наполнив легкие, мгновенно вывел его из раздумий. Сейчас внутри Периметра даже холоднее, чем снаружи, стальные балки конструкций и железобетонные стены Периметра Центра Сохранения Генетических Ресурсов буквально раскалились от холода под действием ледяного ветра. Если так пойдет и дальше, то спустя пару дней внутри Периметра шкала термометра упадет ниже отметки в сорок градусов. Хоть Центр и выстроили возле ГЭС, отапливать полмиллиарда кубометров пространства было непозволительной роскошью. Как и охлаждать, если бы Периметр располагался в жарких широтах. Конструкция ЦСГР концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн» была стандартной по всему миру: квадрат пять на пять километров, обнесенный мощной железобетонной стеной двухметровой толщины в десять метров высотой, накрытый двухслойной прозрачной крышей, форма которой зависела от модификации. Внутри Периметра в строгом геометрическом порядке параллельно друг другу располагались цепочки герметических корпусов, разделенных между собой улицами и редкими перекрестками. Семь этажей под землей и от двух до пяти этажей над ней, в зависимости от удаленности от стен Периметра. Снаружи Периметр опоясывал так называемый «военизированный пояс», в просторечии ВП, — фортификационные сооружения, отвечающие за безопасность ЦСГР и отслеживающие зону отчуждения километровой ширины. Вот и вся география больших консервных банок, рассчитанных на один миллион человек каждая и призванных сохранить остатки человеческого генофонда до судного дня. Если, конечно, они исхитрятся до него дожить, прости невежественных внуков своих, Шаро Предрекая!

Старик поежился и торопливо засеменял в сторону административного гермокорпуса. Протопать по лютому холоду предстояло почти километр. Опять же, если верить архивам, изначально по улицам ходил общественный транспорт, но когда сто лет назад численность населения упала до отметки в шестьсот тысяч человек, содержание его стало настолько убыточным, что администрация Угличского ЦСГР приняла решение о расформировании Отдела Общественного Транспорта и демонтаже его активов. Все пошло на запчасти. Что уж теперь-то говорить, когда в Центре и полумиллиона не осталось. Персональный транспорт положен только офицерскому составу, а об общественном помнят только легенды. Профессор остановился и перевел дух. Эх, а ведь когда-то он преодолевал вдвое большее расстояние от дома до выходного шлюза Периметра играючи. Годы, годы... Годы уже не те, и силы уже не те. Кому есть дело до мучений страдальца, сгибающегося под грузом прожитых лет, но спешащего открыть человечеству тайну его спасения? А ведь могли бы и оценить беспрецедентную важность его исследований, благодаря которым теперь у планеты появился шанс. Так ведь мало того, что не оценили, так еще и посмеивались втихомолку, называя за спиной псевдоученым. И кто в результате оказался прав? Мысль о долгожданной победе придала ученому сил, и профессор припустил дальше с удвоенной скоростью.

Как и следовало ожидать, в такой мороз на улицах было немногочисленно, и в этом был свой плюс. Не придется стоять в очереди перед входом в административный гермокорпус. Когда старик наконец-то достиг ближайшего шлюза, он уже окончательно выбился из сил. Ученый подошел к видеорегистрационной панели входа и нажал кнопку вызова, но так и не смог произнести ни слова. Несколько секунд он пытался восстановить дыхание. К счастью, кто-то из операторов систем видеонаблюдения узнал его, и на этот раз все обошлось без формальностей. В теплых помещениях гермокорпуса настроение старика значительно улучшилось, и в приемную Президента Угличского ЦСГР он вошел, будучи настроенным весьма решительно. Профессор хотел произвести серьезное впечатление на новую помощницу Президента, слухи о которой вот уже вторую неделю разносились по Центру.

— Здравствуйте, господин профессор! — Новая помощница Президента встретила его радушной улыбкой. — Чем могу помочь?

— Здравствуйте, Сашенька. Мне нужна срочная аудиенция! Это дело государственной важности, совершенно не терпящее отлагательств! — строго заявил профессор, поднимая вверх указательный палец, дабы подчеркнуть всю важность момента, и торопливо доба-

вил: — Позволю себе напомнить вам, что у меня есть личное разрешение Президента на внеочередную аудиенцию, если обсуждаемое дело подпадает под классификацию «государственная тайна». Это определено его личной резолюцией на моем заявлении от двенадцатого июня 2259 года под входящим номером...

— Конечно-конечно, господин профессор! — Сашенька была сама доброта. — Я осведомлена о ваших полномочиях! Не волнуйтесь, господин Президент сейчас проводит сеанс связи с Заволжским ЦСР, и, как только он освободится, я немедленно доложу ему о вашем визите. Давайте, я вам помогу!

Она вышла из-за стола и принялась помогать ученому снимать зимнее облачение, справиться с которым профессору никак не удавалось. Он уже извлек из дебрей тулупа свой ноутбук и теперь крепко прижимал его к груди, безуспешно пытаясь одной рукой размотать шарф. Сашенька ловко извлекла седого ученого из вороха уша-нок-шарфов-тулупов и усадила в гостевое кресло.

— Присаживайтесь, господин профессор! — Она сноровисто поместила профессорскую экипировку на вешалку. — Не желаете чая? На улице просто ужас что творится, такой холод!

— Не откажусь, — профессор поспешил сменить официальный тон на миролюбивый, — признаться, я изрядно замерз по дороге сюда...

— Одну секундочку! — Сашенька упорхнула в хозяйственную комнатку и тут же выглянула оттуда: — Вам с подсластителем?

— Разве еще есть лимит? — удивился профессор.

— Сегодня же холодно! — Сашенька вновь сверкнула улыбкой. — Посетителей было немного! Так я добавляю?

— Сделайте милость, голубушка, побалуйте старика, — ученый заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

Новая помощница Президента оказалась весьма милой девушкой, доброй и обаятельной. Впрочем, прежняя на первых порах тоже была сама кротость. Но так как должность помощницы Президента всегда совпадала с ролью его любовницы, все они довольно быстро осваивали привилегированное положение и столь же быстро входили во вкус. А по завершении данной метаморфозы житья от них не было никакого. Профессор напряг память, вспоминая всех женщин, которых ему довелось видеть сидящими за секретарским столом за свою долгую службу в научном аппарате Президента Угличского ЦСР, и вынужден был признать, что почти никто из них не предлагал ему чая, и уж точно никто не тратил на это строго лимитированный подсластитель. И судя по скорости увеличения в размерах их «седалищного нерва», профессор небезосновательно делал вывод